

Посвящаем эту книгу всем друзьям,
которые не дали нам впасть в отчаяние, —
трем Сергеям, Михаилу, Джахан, Валентине,
Александру, Анатолию, Леониду, Виктору,
Татьяне, Дорис и Эрику, Мартину и Урсуле,
Мерили и Джанни...

Марина и Маша Приставкины

ПРЕДИСЛОВИЕ

Счастливое тринадцатое

Для кого-то счастливое число семь, а у нас с Анатолием всегда было тринадцать. Тринадцатого случались только счастливые для нас события, мы и познакомились тринадцатого, в занесенной мокрым снегом Риге.

А уж если еще и пятница, то жди везения.

Если что-то шло не так, мы говорили: «Ничего, пождем тринадцатого».

Дочка, правда, родилась пятнадцатого, но это же всего два дня...

И вот опять тринадцать.

Тринадцать лет, как его не стало. И девяносто со дня рождения.

Девяносто — это точно не про Анатолия, если бы не случилось несчастье, внезапная смертельная болезнь, он бы и сейчас бегал свои кроссы, плавал и нырял.

Встречал рассветы на Селигере, радовался успехам дочки Маши, не один раз прошел бы с портретом отца-фронтовика в колонне Бессмертного полка, набирал бы творческие семинары в Литературном институте. Легко перешел бы на «цифру», как когда-то одним из первых в писательской братии самостоятельно освоил ноутбук,

на который ушел весь гонорар от изданных с успехом во Франции «Тучки» и повести «Кукушата» в переводе внучки В. Набокова Антуанет Рубишу...

Были у Анатолия Приставкина всегда под рукой, в «боевой готовности» два ноутбука: один старый, другой — поновее. И все, все в них содержалось в идеальном порядке, по папкам и файлам, — новые повести, наброски и замыслы, литературный архив, письма, а также проекты служебных кремлевских документов, в которые я, разумеется, никогда не заглядывала.

Анатолий мне, конечно, сообщил все пароли. Рассказал, что из архива можно подготовить для публикации, как у него называлось — «после меня», а что не издавать никогда. Но я и думать не хотела об этом. Казалось, что он — такой сильный, здоровый, веселый, наша с дочкой защита и опора — будет всегда.

И вот пришло время. Время собирать камни.

На первый взгляд чего проще? Сложить электронный «том» литархива и распечатать, как если бы с каждой настоящей книжной полки взять по рукописи. Но архив огромный — сплошные гигабайты, и в книге нельзя объять необъятное. Что же выбрать? В каждом очерке, эссе, дневниковой записи пульсирует мысль, звучит голос и почти открыта, не защищена душа.

И я задумалась: что было главное в Толе, в его характере? Ответ нашла в старом-престаром черно-белом фильме «Золушка», фильме, который мой муж знал почти наизусть. Как ребенок бросал все дела, чтобы в сотый раз слушать финальный монолог короля: «Обожаю, обожаю эти прекрасные чувства — верность, благородство,

умение любить. Обожаю эти прекрасные чувства, которым никогда, никогда не придет конец».

Я это запомнила, а теперь поняла.

Анатолий Приставкин — это и есть верность, благородство, умение любить. Верность слову, невысказанное, редкое для такого подлого и страшного века благородство, верность памяти ушедших друзей, которую он берег изо всех сил. А какое умение любить и жалеть людей, всех, даже тех, кто этого, на мой взгляд, совсем не заслуживает! Кто-то скажет «зэков», а мой муж говорил — «несчастливых».

Любить своих друзей, студентов, дочку Машу, рыбалку, закаты на Селигере, узкий автомобильный «серпантин» в горах, велосипед, книги, красивых женщин, вкусный стол, собак и кошек... Любить жизнь и жить этой жизнью, никому никогда не завидуя, выпив ее до капли, до дна.

Таким вы увидите Анатолия Приставкина в книге, которую я передаю издательству в день его рождения.

И еще. Двадцать пять лет варясь в литературной, то есть страшно эгоистичной творческой среде, простите, в этой густой каше, действительно не встречала никого другого, кроме Анатолия, кто бы так самозабвенно радовался успехам других. Кто бы так работал не на себя, а на других. Почти в каждом представленном здесь, в сборнике, документе Приставкин кого-то «продвигает» на премию, чей-то роман рецензирует, рекомендует к изданию, да еще с пометкой «срочно», посылает издателям книги друзей — чтобы заинтересовать. Защищает, причем публично: пишет резкие и сильные публицистические статьи «в защиту». Просто помогает — бросив все дела, хлопочет в письме истринским «властям», чтобы

поставили ограничительный знак на шоссе, так как в нашем коммунальном дачном муравейнике много детей, а самосвалы носятся как танки. Беспокойтесь о вдовах писателей, а потом еще и обивает пороги инстанций лично, как говорил наш сосед Шура Ширвиндт, «торгуя лицом». Каждая рецензия, даже отзыв на никому не известное сочинение студента — огромный труд, блестящая писательская работа, а значит, время, отнятое от своих книг, своей семьи, своей жизни.

Теперь переживаю — плевал бы на всех: и на свою бесценную комиссию по помилованию, и на дурацкий дачный кооператив, и на чужие творческие проблемы, и на чужие судьбы. Многие уважаемые люди — писатели, артисты, художники, например Григорий Бакланов и Фазиль Искандер, уже после похорон Анатолия получили письма, отправленные им буквально за несколько часов до смерти: «Не волнуйтесь, Ваше медицинское страхование будет продолжено, все вопросы решены». Подпись — «Приставкин».

Берег бы силы для себя, глядишь, и нам бы с дочкой хоть на каплю времени больше досталось. Мы же боролись, бились за каждую редкую возможность побыть всей семьей вместе, бились за его здоровье, за его жизнь.

Но тогда был бы нарушен главный принцип, который так ясно и просто сформулирован в дневниковых записях: «Не могу предать!»

Невероятным для меня, уже как составителя книги, оказалось и то, что многие файлы из домашнего компьютера, которые я считала просто частью моей и Толи жизни, уже стали историей. Это и переписка, связанная с де-

тельностью созданной по Указу Б.Н. Ельцина Комиссии по вопросам помилования, которую А. Приставкин возглавлял почти 10 лет, и небольшая «порция» кремлевских тайн, но не как недостойное подглядывание в замочную скважину, а как часть истории. Он, кстати, за тяжелейшую общественную работу в комиссии был награжден двумя президентами: Б. Ельциным и В. Путиным Почетными грамотами.

А «Общая газета», существовавшая, кто помнит, в 90-е годы прошлого века? С любимой «Общей газетой», со своим другом, главным редактором «ОГ» Е.В. Яковлевым, Анатолий сотрудничал, вел публицистическую актуальную колонку. И теперь статьи из этой колонки, собранные вместе, как на машине времени переносят нас в прошлое. «Первая чеченская» война, «вторая чеченская», «семибанкирщина», путчи и выборы, возвращение диссидентов, общество «Мемориал», писательское движение «Апрель», трагический уход Б. Окуджавы, юбилей Ю.П. Любимова... Продолжать?

Нет, читайте сами. Читайте, а я читаю новую повесть Анатолия Приставкина. Называется она «Покидая двадцатый». Папка «Замыслы и наброски». Жизнь продолжается.

*Марина Приставкина
17 октября 2021 года*

Фрагменты
из дневников

ИЗ ДНЕВНИКА 1997 ГОДА

Добрый человек иногда кажется глупым

Вручали литературную премию «Пенне-Москва»: итальянский торговец одеждой пожертвовал «на искусство», прославил свой городок — ну и молодец!

Вторая премия — Люсе Улицкой. Мы с ней познакомились еще в Берлине, в доме у нашей приятельницы, редактора-слависта Кристины. Они с Люсей подруги. Кристина сказала, что вот у Люси в Германии прекрасный переводчик, читателей много. А в России ее мало знают. Пока... Ну, теперь и у нас узнали, и я рад.

Но огорчило, что каким-то образом попала в список награжденных сытая, ожиревшая, как бандерша, В. Это, безусловно, говорит об испорченном вкусе членов жюри. Впрочем, Маканин мне объяснил, что В. как «среднячок» получала всю жизнь «понемножку», а вышло в итоге много, в то время как другие имели или максимум, или ноль, и вытеснили друг друга. Но она, конечно, никакой не «среднячок», она — антилитература. Когда-то в молодости сочиняла анекдотики, сценарии, не шедевры, но все-таки... Говоря в своем выступлении о мощном двигателе рекламы, которая подсовывает нам фальшивку вместо искусства, я имел в виду и В.

А Люся Улицкая — тихая, на сто голов выше любого из тех, кого там выдвигали. Мы с Маришей ее поздравили от души. И если для толкового и владеющего словом Бориса Екимова эта «одежная» первая премия, может, и потолок, то для высочайшей прозы Улицкой, уверен, лишь начало. Дай ей Бог всего! Голосовал за нее как первую — жаль, не поддержали меня.

...Дописываю через десять лет. Люся и вправду вознеслась на Олимп, — издатели, премии, сценарии. Но теперь редко здоровается и смотрит как бы поверх, Мариша звонила ей, пригласила в Дом кино на премьеру «Вагончика» (*А. Приставкин, «Вагончик мой дальний», Москва, Эксмо, 2006. — М.П.*)¹ — выслушала как-то лениво, ну и ясно, что не пришла. В печати Люся хвалит и считает высшим достижением Пелевина и Сорокина. Дело вкуса, конечно.

* * *

ЦДЛ (*Центральный дом литераторов. — М.П.*) произвел на меня странное впечатление: в главном холле фотографии секретарей (*руководителей существовавшего в советское время Союза писателей СССР. — М.П.*). Бывшие наши «начальники»: всякие Сартаковы, Марковы и пр., и пр. Будто и не было этих новых лет. Выставили бы как паноптикум, я бы еще понял. Но ведь выдают за историю Дома. А это позор, а не история!

¹ Курсив — Марина Приставкина.

* * *

Однажды в тайге, в зимовье рабочие поведали мне историю, как в зимнюю стужу договорились они по очереди топить: одну ночь один поддерживает тепло, в другую — другой... И был у них «сачок», когда досталось ему дежурить, а спать хотелось, догадался поставить в печку горящую свечу. Ребята просыпаются, смотрят из-под одеяла на печку, вроде — горит, а холодина! Пока кто-то не догадался да не встал посмотреть... Изобретателя выгнали. Но я об Андрее Б-ве: у него в печке не дрова, а свеча горит...

Видимость, что тепло дает.

* * *

Сократ и Платон. Одна из теорий: человек уже при рождении несет в себе все элементы истины, но она забывается, и вся зрелая жизнь человека в «припоминании» забытого. И оттого формула: «Познай самого себя». Это забытое: сверхчувствительный мир. Скорей всего, подсознание. А еще точнее — душа. Я согласен, мы и правда от рождения несем в своих генах зашифрованное послание, не случайно же утверждают, что хромосомы — это своего рода закодированная Библия. Но даже если нет, все равно генотип человека, создающий 80 или более процентов всей личности (от воспитания там какие-то крохи, 6–8 процентов), позволяет убедиться в правоте древних философов. Внутри человека заложен космос, и, познавая его, можно многое понять и об окружающем мире, и о тайне Вселенной. Да и о

самом Господе, если брать чувственную сторону. Тот самый «сверхчувствительный» мир. Для ума эта тема недоступна.

Кстати, у них же: Красота, Истина и Добро — неразлучны. Истина сама по себе несет Красоту, а Добро заложено и в Истине, и в Красоте.

И еще я нашел там одну близкую мне идею: «Лучше подвергнуться несправедливости, чем ее совершить».

Сократа судили «демократично», и 500 судей высказались единогласно за его смерть. Вот тебе и демократия!

* * *

Защитил Чубайса, написав статью «Знал ли Иван Бунин об Анатолии Чубайсе?». Писал всю ночь, уж очень обрыдли эти телевизионные морды, особенно коммунистов. Вот уж сразу проявили свой иезуитско-палаческий характер, готовы плясать на его костях! Утром позвонил в «Известия», Захарько, он что-то стал бубнить о редколлегии через три дня, о большом объеме... Я тут же перекинул в «Комсомолец» (*газета «Московский Комсомолец»*. — М.П.). Анечка Ковалева показала Гусеву (*Павел Гусев, главный редактор*. — М.П.) прямо в коридоре, и с колес пошло в номер. А защищал я не только Чубайса, который может спасти Россию, ибо он замечательная личность, но и в его лице страну, и себя, и реформы, и наше общее будущее.

Тут все ясно — он бросил перчатку банкирам, а они уже хозяева. Не случайно журналист из «Штерна», посвятивший статью «семибанкирщине», пишет, что у них